

Моя мистическая

ИНДИЯ

Виктор ЕРОФЕЕВ

Индия — сладкая ловушка. В Индии времени нет. Поезда в Индии ходят по звездному календарю, раз в миллион лет. Самолеты летают с точностью метеорита. Можно долго ехать назад, постепенно впадая в детство: там встретится страна слонов, обезьян. Задремлет на ветру похоронным венком пальма. Из нее вылетит разноцветная птица с кредитной карточкой ВИЗА. Встанет верблюд с бессмысленно гордой мордой.

Из ребенка вырастет колониалист в английском пробковом шлеме. Индия, скажет он, страна проникающей пыли. Вода — отравы. Болезни — неизлечимы. Брезгливость — негласный пароль.

Никто не любит умирать. Но у индусов есть секретное оружие. Реинкарнация мощнее атомной бомбы. Индус сбрасывает телесную оболочку, как манекенщицы — платье. Их ждет новая примерка. Смешные люди! Они смотрят на европейцев снизу вверх. Они им завидуют. Хотят быть такими же высокими, мечтают о белой коже. Нет-нет, это не колониальные предрассудки. Они утверждают, что они, арийцы, пришли когда-то в Индию с Севера, белыми, а тут безнадёжно, навсегда загорели.

Небесная река

Я ехал на Ганг за смыслом смерти, а нашел там разгадку смысла творчества.

Ганг замыслился как небесная река, несущая искупление. В Гималаях сила и чистота ее истока равны силе и чистоте творческого замысла. Ганг в Гималаях — метафора творческой энергии. У него вода цвета таланта.

Каждый храм не похож на другой.

Ганг, как и творчество, есть конфликт между замыслом и исполнением. Спускаясь с гор, Ганг обретает земную силу в обмен на утрату своей чистоты. Даже у подножья Гималаяв, в Ришикеше и Харидваре, Ганг еще настолько силен своей чистотой, что народ боится ловить в нем рыбу. Ловля рыбы приравнена к преступлению. С моста видна рыба всех форм и размеров, она становится наваждением для человека как хищника.

Но в долине из небесной реки Ганг превращается в человеческую. Он вбирает в себя нечистоты жизни. Каждый, кто купается в Ганге, особенно в святых городах, смывает свои грехи. Ганг в буквальном смысле превращается в поток человеческих грехов. Он, как и творчество, обременен человеческим несовершенством. Когда после Гималаяв я увидел Ганг в своем течении возле Аллахабада, я был смущен и разочарован. Ганг заматерел и обобился. Это была пожилая, неузнаваемая река. Но это был все равно единственный и неповторимый Ганг, потому что в Аллахабаде он принимал вторичное очищение в виде сангана, то есть слияния с двумя другими реками, одной видимой и другой — невидимой, Сарасвати. Если бы Ганг вбирал в себя воды только видимой реки, он бы стал похож на вулдеркинда, который после блестящего старта выдыхается, выходя из байкаутского возраста.

На Ганге нет ни пароходов, ни моторных лодок. Но от Аллахабада до Варанаси можно плыть на веслах, в расписных челнах. Кто не курил гашиш на середине Ганга с индийскими лодоч-

Вдоль по Гангу...

никами из глиняной трубки через марлю сомнительной чистоты, тот мало что поймет в этих галлюцинациях. Я вижу подземного цвета реку Сарасвати и старую лодку с худыми обезьяньими ручками. Она — мать невидимого лодочника. Она же — мать Индии. Она помогла мне найти ее сына.

— Ауй! — кричит лодочник чайкам и кормит их кусками лепешки.

— Джау! — кричит лодочник чайкам, и они улетают.

Творчество нуждается во вторичном очищении — вот чему учит поездка по Гангу, — и — сангам — это знак включения дополнительной, очистительной энергии Сарасвати в тот момент, когда, казалось бы, исполнение превращается в разрушение замысла.

Далее многое зависит от силы внушения и самовнушения. Ганг в нижнем течении далек от целомудрия. Он красив обычной земной красотой. У него один берег песчаный, другой — высокий. Он течет через саванну и влажные тропики. Он — разнообразен,

Каждый храм не похож на другой.

нагружен грехами и реальным человеческим пеплом, выброшенным в его воды. Он — многоопытен, снисходителен. В нем ловят сетями рыбу и ходят на парусных лодках. Но он силен воспоминанием о замысле и верой в собственную уникальность. Ничего не осталось, но все сохранено в этой грязной воде.

Собаки

Я нигде не видел более злых собак, чем в России. В России каждая собака видит свой долг в том, чтобы вас облаять, а еще лучше, укусить. Система спонтанного воспитания собак в России выстроена на агрессивности. Каждый прохожий — вор. Он должен быть вывален и обезврежен. Собаки — индикаторы социального подозрения.

На Западе собаки, как правило, декоративны. Они — часть выгородки личного пространства своих хозяев. Собаки обслуживают их сложный эмоциональный мир. Скорее всего, именно в нем они и живут. Они не выбегают в жизненную реальность. Им безразличны чужие люди.

Я нигде не видел более покорных собак, чем в Индии. Они — самая рабская покорность, воплощение трусости. Все они — с поджатыми хвостами, жалкие попрошайки, довольствующиеся малым, на щедрую подачку не рассчитывающие. Шелудивые, со слезящимися глазами, с подбитой лапой, слабые, часто зеваящие, много спящие. Несмотря на то что Индия независима 50 лет, для индийских собак еще не кончился период колониализма.

Святой город-крематорий

В каждом боге есть что-то от полицейского. Но только бог Шива совмещает в себе и стража порядка, и хулигана, создателя, защитника созданного и — разрушителя. У него пять лиц и еще больше масок. Он — бог маскировки и откровения. Он мужчина и женщина одновременно, одногрудый кастрат и половой гигант. Он — эманация своего возбужденного члена и полнота жизненной энергии.

Он — бесценный мэр Варанаси. Варанаси три тысячи лет. Каждый иностранец балдеет от Варанаси. В Варанаси есть все, но это «все» перерабатывается в ничто, чтобы внутри снова стать всем.

Круговорот энергии создает впечатление близости к центру мира. Возможно, Варанаси и есть Центр Вселенной, замаскированный под индийский соляной лос.

В Центре Вселенной идет бешеная работа. Здесь рождаются религии. Здесь не так давно Будда на околдце города, в Сарнатхе, прочел свою первую проповедь. Здесь идет бешеная работа очищения. Варанаси — город-прачка. Затеяна всемирная стирка. На священных ступенях, *ghats*, разложены сырые предметы человеческой одежды и простыни. Здесь же коровы испражняются на эти простыни.

Варанаси — город-банщик. На восходе солнца все моются в Ганге, молятся и моются, не отделяя одно от другого.

Варанаси — город-уборная. На рассвете навстречу солнцу выставляются бесчисленное количество женских и мужских смуглых задов. У мужчин заметна приятная утренняя эрекция. Женщины залихватски задирают сари и без смущения резко садятся на корточки. И покачиваются, как на рессорах. Идет бесконечное испражнение.

Странно, что в индийском кино запросто показывают поцелуи.

Город-паломник. Город-ткач. Город — летский труд. Все в шелках. Брокеры тащат вас в шелковые лавки, а когда, наконец, их отталкивают, они говорят: — Don't make me angry! — и в их взгляде мелькает ненависть.

Варанаси — это тот самый базар в храме, который не стерпел христианство, от чего оказалось локальной религией Запаха. Базар — часть храмовой жизни. Храм — часть рыночного базара. Здесь по утрам все — иголки. Все машут руками.

Варанаси — город-рипка. Он везет меня на велосипеде по своим иллюзорным улицам, звопя в бесконечный звонок, рябит рекламой кед, компьютеров, второсортной индийской версии кока-колы thimpr ur!, на подьеме он соскакивает с седла, толкает велосипед, мне совестно, он вспотел, остановился и, слегка отойдя в сторону, помочился, как лошадь. Варанаси — суперпотемкинская деревня.

В Варанаси я простил всех своих врагов и друзей.

Варанаси — город мертвых, архитектура духов и призраков, уползшая от гнета истории. Здесь махараджи выстроили дворцы на набережной Ганга для своих мертвых. Таких дворцов с безвременной архитектурой не знает ни один город мира.

В Варанаси самый мелкий поэт может стать Данте, если только останется в городе больше тридцати дней. Варанаси — большой склад дров. Сюда завозят дрова, чтобы жечь трупы в желто-золотых одеждах со всей Индии, со всего света, с других планет. Варанаси — город-крематорий. Все ходят

Омовение святынь.

по колену о пепле. Пахнет мертвачиной и паленой человеческой. Собаки бросаются в костер, чтобы утащить в пасти кусок человеческой ноги. Крематорщики — богатые люди, которым никто не подает руки.

Варанаси — город-соглядатай. Глазными перепутанными иностранцев он следит за своими кремациями. Мертвецы встают с бамбуковых носилок. Они недавно умерли, всего три-четыре часа назад, и не привыкли к новому статусу. Крематорщики бамбуковыми палками усмиряют мятежных покойников. Рядом козлы едят ритуальные цветы. Родственники в белом здесь не плачут. Здесь каждый сожженный идет в nirvanu.

В Варанаси я понял, что рай — часть ада, а ад — часть рая. Смотря с какой стороны зайти.

Начальник станции

Он дважды спас меня от верной смерти. На перроне отвел меня в сторону и шепнул на ухо, чтобы я не садился в следующий поезд, идущий на Калькутту.

— Я точно знаю, что он сойдет с рельсов.

Я сидел на чемадане на вокзале в Патне уже третьи сутки: мне было все равно. Меня облюбовали городской сумасшедший с ножичком, который он угрожающе сжимал между ног, и два прокаженных. На следующий день мы прочли в газетах, что поезд сошел с рельсов. Пять перевернутых тяжелых коричнево-красных вагонов. 120 убитых.

— На этот проходящий вы тоже не садитесь! — шепнул мне снова начальник станции.

— Почему? — спросил я из вежливости.

— Грабители.

— В первом классе есть охрана, — вяло возразил я.

— Они убьют охрану, — сказал начальник станции.

Мы открыли газету. Грабители убили полицейского и трех пассажиров. Ведутся поиски. Я оглянулся. Под тонкими одеялами на платформе неподвижно лежали тела. Трудно было отличить живых от мертвых.

За полчаса до прихода *правильного* поезда начальник станции пригласил в свой кабинет. Он вписал в билет от руки какие-то свои каракули, поставил печать и сказал, что теперь все в порядке.

— Из какой вы страны? — спросил начальник станции.

Если кто-нибудь в Индии спрашивает вас, из какой вы страны, значит, он ждет от вас денег.

— Из России, — бессионным голосом сказал я, незаметно вынимая из кармана бумажку в сто рупий.

— Ленин! — сказал он однозначно.

Нищих в Индии не меньше, чем богов.

Остров коммунизма в Калькутте!

бесопасности. Зато есть проститутки в очень ярких сари. Они стоят так дешево, что за сто долларов можно накопить целую улицу греха и утонуть в столовой в разврате.

Прогресс начинается с отрицания чистоты Ганга и страха смерти. Продвинутой журналистка калькуттской газеты «Телеграф» призналась мне с радостью, что боится смерти. Исторически она еще была в сари, но уже без традиционных украшений. Под сари у нее были французские трусы и черный австрийский лифчик «Триумф».

Как и в России, в Индии интеллигенция боится в процессе вестернизации утратить «человеческие отношения». Сыновья журналистки из «Телеграфа», посмотревшись сателитарного телевидения, скандируют американские рекламные частушки и стыдятся говорить на родном бенгальском языке. Журналистка сказала, что ее подруги имеют любовников и делают аборт.

Тревожный симптом! Если Индию охватит страх смерти и супружеская неверность, Индия станет неуправляемой.

Калькутта — тропический гибрид. Это чудовище видения Англия, если бы та проиграла войну с Германией, обанкротилась и облезла, как бездомная кошка. Меж тем жизнь в Калькутте бьет ключом. Ее воздух состоит из выхлопных газов, тудков черно-желтых такси, универсальных лекций и жалобных бормотаний попросаек, организованных городской мафией. Не слышно только siren «скорой помощи». Этот звук отсутствует в индийской жизни. У Калькутты гротескное ролевое сознание: она играет роль современного делового города. Однако в калькуттских храмах козлам по-прежнему рубят головы, дети невесты платят приказу родителей, за венчанье платят приданое в размере 10000 долларов, и красный цеток гибискуса — огню не бесстыжий фантом, а полная открытость праведника перед Богом.

— Да, — вздохнула я.

На восходе солнца у начальника станции был молодцеватый вид. Глаза горели. Он стал усиленно крутить диск черного телефона, потом — красного. Телефоны молчали. Они не работали.

— Откуда вы узнаете о приближении поезда? — спросил я.

Он весело закивал головой. Я догадался, что он ничего не понял. Я положил под красный телефон бумажку в сто рупий и показал ему на нее глазами. Мы сфотографировались, пожилая друг друга ругая. Помощник начальника станции отнес мой чемадан в купе первого класса. Когда поезд собрался было трогаться, в купе вбежал начальник станции. Ему было 55 лет. Лицо у него было заволнованное. Я подумал бог знает что. Он пожал мне руку и пожелал счастливого пути. Он сказал, что будет обо мне помнить и что те два поезда были опасными, а этот безопасный.

— Ленин, — сказал он однозначно и вышел из моей жизни.

Индия как подознание России

Чтобы понять Россию, надо ехать в Индию. Русский культуролог, живущий в Германии, считает Россию подознанием Запада. Но у подознания Запада есть свое подознание — Индия. Географически Индия напоминает вымя, висящее под телом России. Туда стекает российская подознательность.

Россия *задумала* себя как непознанную целостность — Индия *осуществляет* себя как загадку. Индия смелее России в своей нищете, неудачливости, бюрократии, тупости, катастрофах, безумии климата. Она смелее России в своей уникальности. Культура Индии не конвертируется. Все драгоценности Индии имеют символическую, умирающую на границе, Россия доходит во всем до предела. Индия переваливает за предел.

Пологически Россия — *девочка* по сравнению с Индией.

Волга-матушка — для русских великая река, но она никогда не получила статуса святой. Не хватало мужества ее таковой назвать. Ганга-матушка завяла о своей святости. Русский был бы рад считать воду Волги чистой водой, но боится расстроить себе желудок. Индус верит в чистоту воды в Ганге настолько, что он ее пьет, и его вера побеждает грязь реки. Русский презирает смерть, индус ее побеждает.

Калькутта

Прогресс начинается с лицемерия. В Калькутте нет коров. Коровы лицемерно запрещены ради их же собственной

безопасности. Зато есть проститутки в очень ярких сари. Они стоят так дешево, что за сто долларов можно накопить целую улицу греха и утонуть в столовой в разврате.

Прогресс начинается с отрицания чистоты Ганга и страха смерти. Продвинутой журналистка калькуттской газеты «Телеграф» призналась мне с радостью, что боится смерти. Исторически она еще была в сари, но уже без традиционных украшений. Под сари у нее были французские трусы и черный австрийский лифчик «Триумф».

Как и в России, в Индии интеллигенция боится в процессе вестернизации утратить «человеческие отношения». Сыновья журналистки из «Телеграфа», посмотревшись сателитарного телевидения, скандируют американские рекламные частушки и стыдятся говорить на родном бенгальском языке. Журналистка сказала, что ее подруги имеют любовников и делают аборт.

Тревожный симптом! Если Индию охватит страх смерти и супружеская неверность, Индия станет неуправляемой.

Калькутта — тропический гибрид. Это чудовище видения Англия, если бы та проиграла войну с Германией, обанкротилась и облезла, как бездомная кошка. Меж тем жизнь в Калькутте бьет ключом. Ее воздух состоит из выхлопных газов, тудков черно-желтых такси, универсальных лекций и жалобных бормотаний попросаек, организованных городской мафией. Не слышно только siren «скорой помощи». Этот звук отсутствует в индийской жизни. У Калькутты гротескное ролевое сознание: она играет роль современного делового города. Однако в калькуттских храмах козлам по-прежнему рубят головы, дети невесты платят приказу родителей, за венчанье платят приданое в размере 10000 долларов, и красный цеток гибискуса — огню не бесстыжий фантом, а полная открытость праведника перед Богом.

— Да, — вздохнула я.

На восходе солнца у начальника станции был молодцеватый вид. Глаза горели. Он стал усиленно крутить диск черного телефона, потом — красного. Телефоны молчали. Они не работали.

— Откуда вы узнаете о приближении поезда? — спросил я.

Он весело закивал головой. Я догадался, что он ничего не понял. Я положил под красный телефон бумажку в сто рупий и показал ему на нее глазами. Мы сфотографировались, пожилая друг друга ругая. Помощник начальника станции отнес мой чемадан в купе первого класса. Когда поезд собрался было трогаться, в купе вбежал начальник станции. Ему было 55 лет. Лицо у него было заволнованное. Я подумал бог знает что. Он пожал мне руку и пожелал счастливого пути. Он сказал, что будет обо мне помнить и что те два поезда были опасными, а этот безопасный.

— Ленин, — сказал он однозначно и вышел из моей жизни.

Индия как подознание России

Чтобы понять Россию, надо ехать в Индию. Русский культуролог, живущий в Германии, считает Россию подознанием Запада. Но у подознания Запада есть свое подознание — Индия. Географически Индия напоминает вымя, висящее под телом России. Туда стекает российская подознательность.

Россия *задумала* себя как непознанную целостность — Индия *осуществляет* себя как загадку. Индия смелее России в своей нищете, неудачливости, бюрократии, тупости, катастрофах, безумии климата. Она смелее России в своей уникальности. Культура Индии не конвертируется. Все драгоценности Индии имеют символическую, умирающую на границе, Россия доходит во всем до предела. Индия переваливает за предел.

Пологически Россия — *девочка* по сравнению с Индией.

Волга-матушка — для русских великая река, но она никогда не получила статуса святой. Не хватало мужества ее таковой назвать. Ганга-матушка завяла о своей святости. Русский был бы рад считать воду Волги чистой водой, но боится расстроить себе желудок. Индус верит в чистоту воды в Ганге настолько, что он ее пьет, и его вера побеждает грязь реки. Русский презирает смерть, индус ее побеждает.

Калькутта

Прогресс начинается с лицемерия. В Калькутте нет коров. Коровы лицемерно запрещены ради их же собственной

безопасности. Зато есть проститутки в очень ярких сари. Они стоят так дешево, что за сто долларов можно накопить целую улицу греха и утонуть в столовой в разврате.

Прогресс начинается с отрицания чистоты Ганга и страха смерти. Продвинутой журналистка калькуттской газеты «Телеграф» призналась мне с радостью, что боится смерти. Исторически она еще была в сари, но уже без традиционных украшений. Под сари у нее были французские трусы и черный австрийский лифчик «Триумф».

Как и в России, в Индии интеллигенция боится в процессе вестернизации утратить «человеческие отношения». Сыновья журналистки из «Телеграфа», посмотревшись сателитарного телевидения, скандируют американские рекламные частушки и стыдятся говорить на родном бенгальском языке. Журналистка сказала, что ее подруги имеют любовников и делают аборт.

Тревожный симптом! Если Индию охватит страх смерти и супружеская неверность, Индия станет неуправляемой.

Калькутта — тропический гибрид. Это чудовище видения Англия, если бы та проиграла войну с Германией, обанкротилась и облезла, как бездомная кошка. Меж тем жизнь в Калькутте бьет ключом. Ее воздух состоит из выхлопных газов, тудков черно-желтых такси, универсальных лекций и жалобных бормотаний попросаек, организованных городской мафией. Не слышно только siren «скорой помощи». Этот звук отсутствует в индийской жизни. У Калькутты гротескное ролевое сознание: она играет роль современного делового города. Однако в калькуттских храмах козлам по-прежнему рубят головы, дети невесты платят приказу родителей, за венчанье платят приданое в размере 10000 долларов, и красный цеток гибискуса — огню не бесстыжий фантом, а полная открытость праведника перед Богом.

— Да, — вздохнула я.

На восходе солнца у начальника станции был молодцеватый вид. Глаза горели. Он стал усиленно крутить диск черного телефона, потом — красного. Телефоны молчали. Они не работали.

— Откуда вы узнаете о приближении поезда? — спросил я.

Он весело закивал головой. Я догадался, что он ничего не понял. Я положил под красный телефон бумажку в сто рупий и показал ему на нее глазами. Мы сфотографировались, пожилая друг друга ругая. Помощник начальника станции отнес мой чемадан в купе первого класса. Когда поезд собрался было трогаться, в купе вбежал начальник станции. Ему было 55 лет. Лицо у него было заволнованное. Я подумал бог знает что. Он пожал мне руку и пожелал счастливого пути. Он сказал, что будет обо мне помнить и что те два поезда были опасными, а этот безопасный.

— Ленин, — сказал он однозначно и вышел из моей жизни.

Индия как подознание России

Чтобы понять Россию, надо ехать в Индию. Русский культуролог, живущий в Германии, считает Россию подознанием Запада. Но у подознания Запада есть свое подознание — Индия. Географически Индия напоминает вымя, висящее под телом России. Туда стекает российская подознательность.

Россия *задумала* себя как непознанную целостность — Индия *осуществляет* себя как загадку. Индия смелее России в своей нищете, неудачливости, бюрократии, тупости, катастрофах, безумии климата. Она смелее России в своей уникальности. Культура Индии не конвертируется. Все драгоценности Индии имеют символическую, умирающую на границе, Россия доходит во всем до предела. Индия переваливает за предел.

Пологически Россия — *девочка* по сравнению с Индией.

Волга-матушка — для русских великая река, но она никогда не получила статуса святой. Не хватало мужества ее таковой назвать. Ганга-матушка завяла о своей святости. Русский был бы рад считать воду Волги чистой водой, но боится расстроить себе желудок. Индус верит в чистоту воды в Ганге настолько, что он ее пьет, и его вера побеждает грязь реки. Русский презирает смерть, индус ее побеждает.

Калькутта

Прогресс начинается с лицемерия. В Калькутте нет коров. Коровы лицемерно запрещены ради их же собственной

Небо Вашей Мечты

НОВАЯ ЛИНИЯ
МОСКВА — ГОНКОНГ

МОСКВА * АКМОЛА * АЛМА-АТА * БАКУ * БЕРЛИН
ВЛАДИВОСТОК * ЕКАТЕРИНБУРГ * ИРКУТСК * КАРАГАНДА
КИЕВ * КИШИНЕВ * КРАСНОЯРСК * ЛОНДОН
ЛОС-АНДЖЕЛЕС * ЛЬВОВ * МИНСК * НИЖНЕВАРТОВСК
НОВОСИБИРСК * НОРИЛЬСК * ОДЕССА * ОМСК * ПАРИЖ
РИГА * САНКТ-ПЕТЕРБУРГ * СОЧИ * ТАШКЕНТ * ТЕЛЬ-АВИВ
ФРАНКФУРТ * ЭЙЛАТ(Израиль) * ЮЖНО-САХАЛИНСК

Информация и бронирование билетов в Россию:
2-й Смоленский пер., 3/4,
ул. Охотный ряд, 2 (бесплатные автостоянки),
Ленинградский пр-т, 37,
Центральный аэровокзал, кассы № 7, 46, 47, Осенний б-р, 12,
ул. Маршала Васильевского, 17; ул. Раменки, 3 ("Юникор");
аэропорт Шереметьево (терминал-1);
тел.: (095) 241-76-76, 241-48-00 (круглосуточно)

ТРАНСАЭРО
АВИАКОМПАНИЯ